

ГАЛИНА
САФОНОВА-ПИРУС

РАССКАЗЫ
МИНИАТЮРЫ

*по дневниковым
запискам*

Галина Семеновна Сафонова-Пирус

Рассказы. Миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160907

ISBN 9785448316562

Аннотация

Рассказы сборника не выдуманы, а сотканы из жизненных наблюдений за теми, кто когда-то был рядом или оказался на случайных «остановках» жизни. А миниатюры – чувствования природы, явлений реальной жизни или обращений к минувшему.

Содержание

Рассказы	7
Семена заронённые	8
Граффити на асфальте	14
Пробка от «Шампанского»	22
Зачем звонит колокол	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рассказы. Миниатюры

Галина Сафонова-Пирус

© Галина Сафонова-Пирус, 2016

© Мария Каченовская, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-1656-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Рассказы не придуманы, а сотканы по моим дневниковым записям или наброскам после очередных или случайных встреч с теми, кто был близок или затронул при общении. А миниатюры – моё восприятие природы, некогда взволновавшее, или короткие зарисовки о минувшем, увиденном и схваченном не только глазом, но и душой.

Семена заронённые

Когда, с каких лет на моём «белом листе» юной человеческой души начали проявляться «письмена», начертанные генной памятью?

Строчки из дневника в тринадцать лет:

«Весь день падает и падает густой снег. Очень красиво, но на улицу я не пошла, а сижу на печке, слушаю по радио музыку и пишу эти строчки. Улей стоит у нас в доме, брат осмотрел пчёл и оказалось, что половина их вымерла. Как жалко! Все лето они собирали мед, гибли в дождь, пропадали в полетах, а мы этот мед у них отняли и вот они погибли от голода. Мама собирается поставить погибшим пчелкам свечку, а мне перед оставшимися даже стыдно, ведь к нам относится цитата Радищева: «Они работают, а вы их труд ядите».

Значит, загорание моего внутреннего света началось в пору смены поры безмятежного отрочества на первые годы юности, которая станет навевать обещания неких радостных, еще расплывчатых «деяний». И дальнейшее преобразование моё зависело от тех «семян», которые были заронены теми, кто был рядом, – старшим братом Виктором, мамой, – и если бы тогда погибших пчёлок она просто смела и выбросила,

то что осталось бы в моей душе?

А вот уже – подсказка памяти:

Я лежу на печке и с упоением читаю роман «Кавалер золотой звезды»... Удивительно, но отчётливо запомнилось, что именно роман этого, прославленного тогда писателя Семена Бабаевского. Так вот, с увлечением читаю, но входит брат, спрашивает: что за книга? Показываю. А он выхватывает её и бросает в печку. Я – в слёзы! Но он даже и утешать не стал, а только сказал: «Никогда не забивай голову барахлом». И ведь это «семя» тоже проросло, – научилась с помощью Виктора ориентироваться в книгах, выбирая то, что подсказывало не облыжную дорогу жизни. Потом была суверенная «лестница» вверх, с которой открывалась удивительная бесконечность мира, и взбираясь по ней, надо было выбирать крепкую, надежную «ступеньку», чтобы не сорваться вниз.

Когда по утрам слышу редкие удары большого колокола вновь возведённого кафедрального собора, а потом начинают петь-распеваться и другие...

Мурашки – от этого всепроникающего звона!

Почему? Ведь и крещены в православную веру, но не проросла она в нас ритуалами, и детей к максимам православия не приобщали, – каток социалистического атеизма прошелся и по нашим душам, – но всё же под религиозные праздники

у нашей единственной иконы «Марии с младенцем» всегда горела свеча.

А вручил нам Богородицу председатель колхоза, – непозволительно было коммунисту держать такое в доме, – а ему Мадонну отдал сельчанин, выловивший символ Православия из реки, ибо тогда, при Хрущеве¹, шло очередное наступление на религию и кто-то, испугавшись, спустил «Марию с младенцем» по течению.

Так вот, горела у нас перед иконой Богоматери свеча, пахло моими свежими булочками... И этот дивный, ни с чем несравнимый аромат только что испеченных булок, живёт во мне с детства, он – моя радующая память.

Нас у мамы было трое, – овдовела сразу после войны², – и поднимала детей одна, так что, жили мы часто впроголодь, но она всегда сберегала мучичку, – иначе её не называла, – чтобы к Рождеству испечь булки, и вот...

В хате еще темно, но я просыпаюсь от их запаха. Ах, как же радостно ощущать и тепло, исходящее от большого, выбеленного под праздник тела печки, и аромат только что выпеченного лакомства! А еще, – знала я и ждала! – вот-вот от порога донесутся голоса ребятишек, славящих Хри-

¹ Никита Хрущёв (1894—1971) – Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы. С 1959 года начинается массовое закрытие церковных приходов и монастырей, а в 1980-м Хрущев пообещал показать стране «последнего попа».

² Великая Отечественная война (1941—45)

ста, и от их сбивчивого торопливого лепета с привычным окончанием: «Тётянька, дяденька, с праздником вас, с Рождеством Христовым!» во мне на весь день поселится непонятное (что причиной?), но неизменно светлое чувство.

Мама рассказывала:

«Спрашиваешь, когда церкви громить начали?.. Да их закрывать и рушить стали прямо после Ленина³, когда он до власти добрался, а уж с конца двадцатых так с ними стали расправляться, что только пыль столбом стояла. Помню, раз приехала я в Карачев, гляжу... Казанскую церковь ломают! Ту самую, в которую купец Кочергин электричество провел. Ах, какая же эта светлая и праздничная церковь была, и вот теперь кырками её рушат. И всё – молодые, комсомольцы! А потом за Тихоны взялись... И по-ошли, и по-шли! Тут уже громили беспощадно, только и слышишь, бывало: там-то церковь ломают, там-то... А мало ли в Карачеве церквей было! Церквей двенадцать, должно: Казанская, Знаменье, Никола, Евсеевская, Кладбищенская, Афонасьевская, Преображение... Вот и не стало слышно звона колокольного над Карачевом, колокола все посяли и увезли.

Всё-ё теперь молодежь упрекают, что стариков, мол, не уважать. А они-то нешто уважали? Ведь всё поразлома-

³ Владимир Ленин (Ульянов, 1870—1924) – Российский революционер, глава партии большевиков (РКП (б), совершивших переворот 1917 года, руководитель социалистического государства.

ли, поуничтожили, что их деды построили! Вот и религию... Ну зачем было трогать? Деды, прадеды молились, пускай бы, и дети... Ведь вера в Бога приучает человека, чтобы он не только о себе думал, но и другому зла не делал. И с малых лет это надо в души чистые закладывать, вот тогда-то она, душа человеческая, и привыкнет к добру, пока не зачерствела. Видишь, как дети встречают меня, когда подойду к ним перед сном? «Бабушка, перекрести нас!» Значит, чувствуют что-то, значить, ребенку приятное есть в том, что говорю: Господи, да дай же ты им здоровьица, да дай же ты им ума-разума, помилуй и сохрани ото всяких бед и напастей! Спите с Богом. Скажу вот так, перекрещу... и заснуть. И с таким-то настроением хорошим!»

Вот потому под Рождество у нашей единственной иконы и горела свеча, что драгоценное зерно, заронённое генной памятью и мамой в наши души, всё же возшло, ориентируя в бесконечном пространстве жизни. А потом захотелось и детям вложить похожее: Христос – символ добра, сострадания, прощения, – духовности; его – Христа (добро) – распинают, а он (добро) воскресает; только добром можно защититься и защитить, а если в душе его нет, то – темнота, злом заполняемая.

Семена, некогда заронённые в наши души – та же эстафета памяти. Как в спешных буднях не потушить «факел»

*добра и веры, когда и какими поступками своими передать
детям то, что понесут дальше? Сие зависит от нас.*

Граффити на асфальте

«Я люблю тебя!», «Я хочу всегда быть с тобой», «Ты моё всё», «Я хотел сказать, что...», «Извини, краски кончились». По этим откровениям, – на асфальте, белой краской, – мы шагали с ним несколько раз, и был он мне «не другом и товарищем», а просто нечаянным собеседником.

С недавних пор вечерами стала замечать его в скверике, что как раз напротив рощи старых лип и сосен. И обычно сидел он напротив детской площадки, на которой под звон детских голосов мелькают яркие пятна курточек, игрушек, шаров. Потом вставал с насиженного места и начинал ходить туда-сюда по аллее молодых лип, словно переваривая только что увиденное... или вспоминая и своё детство? А думалось так потому, что не смотрел по сторонам... наверное, боясь отвлечься от своих мыслей? И был похож на моего любимого поэта Тютчева поздних лет. «Симпатичный мужчина», – иногда мелькало, – любопытно было бы поговорить с ним и узнать: а есть ли в нём что-то от Федора Ивановича? И вот как-то...

Стояла, прислонившись к стволу вековой липы, и смотрела на противоположную сторону оврага под названием Нижний Судок, который пролёт от сквера к центру города и теперь, в пору разгулявшейся осени, являл собою дивную смесь оранжевых, красных, зеленных оттенков, и вдруг

услышала:

– Как увядающее мило! Какая прелесть в нём для нас... не правда ли?

Как всегда, от неожиданности вздрогнула, обернулась, и узнав моего незнакомца, улыбнулась:

– Правда... – И, помедлив, с тою же улыбкой, продолжила строки Тютчева: – Когда, что так цвело и жило, теперь, так немощно и хило, в последний улыбнется раз!

И то был пароль. Незнакомец сразу же открыто улыбнулся, жестом пригласил меня в аллею старых лип и как-то сразу, – слово за слово, фраза за фразой, – завязался меж нами диалог, перетекая от Тютчева к другим поэтам, а потом и к художникам, о которых говорил со знанием терминологии, стилей, направлений. «Наверное, и сам художник» – подумалось, но, постеснявшись, не спросила, а лишь слушала, иногда поддерживая его монологи своими скромными познаниями.

А потом из аллеи старых лип стали мы переходить улицу, чтобы перейти в сквер, и тут перед пятиэтажкой, прямо на тротуаре, под ногами и замелькали те самые надписи: «Я люблю тебя!», «Я хочу быть с тобой»... и он, вдруг остановившись и замолчав на полуфразе, прочитал одну из них: «Ты моё всё».

– Как же мало надо этому... написавшему, – пошутила, – чтобы почувствовать всю полноту жизни!

На что незнакомец, коротко и отстранённо взглянув

на меня, ничего не ответил, а через несколько шагов снова остановился и, торопливо попросившись, зашагал прочь.

Вечером всё думалось: ну вот, своей неосторожной шуткой огорчила безымянного симпатичного собеседника, но, в то же время, и оправдывалась: ведь есть, есть в этой шутке доля моей правды, с которой мог бы просто поспорить, но нельзя же вот так... сразу «перечеркивать» человека!

И было любопытно: а подойдет ли завтра?

И на следующий день встретил меня – словно ждал! – когда от рощи старых лип шла через переулок к скверу, и почти тут же услышала:

– Вот эти слова, разбросанные на асфальте, – сказал тихо, словно только для себя, перешагивая через ставшие еще более яркими после дождя надписи: – «Я люблю тебя!», «Ты моё всё»... как-то сразу зацепили меня, поэтому... – и взглянул, извиняясь: – Простите уж, что вчера вот так... ушёл вдруг, – и улыбнулся так искренне, что и я расплылась в улыбке. – Эти юношеские иероглифы подтолкнули меня к вопросу: а говорил ли подобное женщинам, которых любил?

Остановился, постоял какое-то время не поднимая глаз, а потом, пригласив жестом свернуть в аллею молодых лип, зашагал чуть впереди. И я послушно пошла за ним, боясь неуместным вопросом опять спугнуть его наметившийся монолог... А, впрочем, наверное, он и не ждал от меня каких-то слов, ибо почувствовал, что могу и хочу слушать, а не гово-

ритель.

Этот совсем молодой сквер просто предназначен для раздумий. Казалось бы, ему, треугольником распростёртому меж шмыгающих машин, никогда не удастся сохранить тишину. Ан нет, плотненько, плечо к плечу сомкнувшись, молодые липки словно оберегают не только тишину, но и огромный Земной шар с трещиной до самой Антарктиды⁴. И не только оберегают, но и создают ауру для задумчивости с трепещущей в ней подсказкой: а так ли живём?.. Но отвлеклась я.

Мой незнакомец идёт рядом и пока молчит. Молчу и я, любуясь резким контрастом черных стволов лип и ярко-желтой листвы, но когда оборачиваюсь, чтобы взглянуть на аллею, уже оставшуюся позади и с которой сейчас свернём в следующую, слышу:

– Так вот... А говорил ли я женщинам хотя бы раз: «Я люблю тебя! Ты – моё всё.»

И мой собеседник смотрит на меня, словно этот вопрос – мне. Улыбаюсь:

– Но ведь... – предполагая, что надо утешить его, пытаюсь найти нужные слова: – Но ведь если Вы любили искренне и глубоко, то не обязательно говорить...

Но он прерывает:

– Нет, нет! Теперь-то знаю, что надо, надо было говорить!

⁴ Памятник жертвам катастрофы на Чернобыльской атомной станции. Установлен в Брянске 26 апреля 2006 года.

И обязательно! Ведь сказанное слово имеет некую магию... сказанное слово...

Он замолкает и вдруг так же, как и вчера, машет рукой, торопливо прощается и ссутулившись уходит по аллее, черно-желтыми контрастами которой я только что любовалась. И всё же чудаковатый мужчина... Опять ушел неожиданно. И придёт ли снова?

Но на следующий день с утра подул стылый ветерок, топорща на дорожках опавшие листья, а потом всё накрыл мелкий въедливый дождик, окрашивая и без того темные стволы лип в черный цвет. Но мне такая погода по душе, – не мельтешит в ветвях солнце, что-то обещая и куда-то зовя, – и теперь, соткав свой собственный подзонтовый приют, можно бродить и вслушиваться в многообразие обертонов тяжелых капель, вдруг разбивающихся над головой о тугую ткань тента, а при подсветке проезжающих машин, любоваться игрой световых оттенков в каплях, сползающих с ветвей.

Интересно, если и встречу моего новоявленного знакомого, то продолжит ли «тему», неожиданно подсказанную ему незамысловатыми граффити? Казалось бы, мало ли их теперь, разных и всяких не только на асфальте, но и на стенах домов, заборах, но вот... пробудили же в его душе взволновавшую ассоциацию. Станный человек.

Но к вечеру дождь утихомирился, «странный» снова встретил меня в сквере молодых лип, и было похоже, что забыл о предыдущем разговоре. Но когда переходили улицу,

направляясь к аллее старых лип, и я уже начала жалеть, что развития «темы» не будет, то он...

Он вдруг остановился над знакомыми иероглифами, прочитал вслух «Я хотел сказать, что...» и, непонятно усмехнувшись, взглянул на меня:

– Так вот... Я хотел сказать, что слова обладают магией, несут в себе нечто гипнотизирующее, поэтому нельзя произносить их бездумно или... – Сделал несколько шагов, остановился над «Я хочу всегда быть с тобой» и даже, как мне показалось, чуть вздрогнул: – Или вот так... распластывать на асфальте.

Ну что я могла ответить, видя, как он взволнован? Вот и шла рядом, молчала, но когда пауза слишком затянулась, то, чтобы «ослабить натянувшуюся струну», сказала:

– Вы так серьёзно воспринимаете эти юношеские каракули, что...

Но он решительно прервал:

– Нет! Не надо так... о них. Это – не каракули, а слова. А вот эти... – И, возвратившись к тем, которые только что перешагнули, указал на «Я люблю тебя!», «Я хочу всегда быть с тобой» и опять же, словно только себе, сказал: – Эти сыграли в моей жизни такую роль, что...

И замолчал... «Наверное, сомневается, – мелькнуло, – а стоит ли говорить о той самой „роли“? А жаль, хотелось бы...» Но, чтобы приглушить своё нескромное желание и всё же отвлечь его от показавшихся мне сомнений, попыта-

лась направить его последнюю фразу в более «широкое русло»:

– Знаете, некогда мне запомнились вот такие слова: для кого-то мой голос может превратиться в звук, который он захочет услышать, – шум ветра, шорох листьев, пение птиц, гул водопада... Так, может, это – не просто слова, а так и есть?

И он подхватил:

– Да-да, именно так! – И, остановившись на краю оврага, от которого аллея пугливо сворачивала вправо, обернулся ко мне и заговорил взволнованно: – Еще с детства был я влюблён в одну девочку... потом она обратилась в прекрасную девушку, а моя влюблённость – в любовь... – И глаза его засветились, согреваемые давней любовью: – Но я... хотя потом и были с ней вместе, молчал о своей любви, будучи уверен, что если стану говорить, то она привыкнет к словам и покинет меня.

Замолчал, отвернулся к пылающему оранжево-красными всполохами противоположному краю оврага, постоял так с минуту, а когда обернулся ко мне, то в его глазах уже не было того света... а я, хотя и поняла по его грустному взгляду, что услышу нечто другое, почему-то сказала:

– Надеюсь, она не покинула Вас.

– Увы, покинула. И покинула потому, что... – Помолчал, жестом пригласил войти в аллею и, пройдя несколько шагов, продолжил: – И покинула потому, что я не говорил ей тех самых слов, которые там... на асфальте. – Остановился, под-

нес руку к виску, опустил глаза: – А надо было, надо!

Конечно, хотелось возразить ему, успокаивая, но, дабы ненароком не обронить бестактность, перевела разговор на яркую пестроту осенних красок, которые были так реальны не произнесенным словом, а своей данностью, и когда уже переходили дорогу, на которой распростёрлись белые граффити, то мой спутник остановился над «Извини, краски закончились» и, усмехнувшись, грустно взглянул на меня:

– Извините, и мои «краски» тоже закончились. Завтра уезжаю. И едва ли увидимся еще раз. Прощайте.

Вскоре опавшие листья подёрнулись темно-охристым цветом тлена, потом их укрыл снег, мои подруги-собеседницы старые и молодые липы стали еще черней, а те самые граффити, так и не смытые осенними дождями, затаились под снегом.

Часто и теперь хожу в этот, ставший мне столь родным уголок города и, вспоминая так и не представившегося мне и похожего на поэта «героя» моих осенних прогулок, думаю о том, что, наверное, всё же была права, не бросившись утешать его, когда он открыл мне свою тайну. Ведь вполне возможно, что возлюбленная покинула его по какой-то другой причине, но для него вера в гипнотическую силу слова, которую я и до сих пор не могу принять полностью, стала не только отвлечённым смыслом, но и реальным щадящим утешением.

Пробка от «Шампанского»

Ой, еще б немного, и мне – по голове!

А если б и попало, то что? Ведь пробкой от «Шампанского» еще никого не убило, для этого надо что-то потяжелей. А, впрочем... Нет, не буду сейчас о «впрочем»... Нет, Наташ, и не проси, мы еще о нас с тобой не наговорились, а я стану о Валюшке?

А потому, что это она – о пробке... Нет, и всё же не хочу, давай лучше завтра, а сейчас выпьем за нашу встречу, наговоримся вволю и...

Ну вот, опять ты... Как была прилипалой, так и осталась. Зачем нам – о грустном?

А потому о «грустном», что Валюшки нет с нами, она – в ином мире...

Хорошо, хорошо, если настаиваешь... Но вначале скажи: когда в последний раз видела её?

Лет пять как... И мельком. Ну да, вы же с ней – не очень, это я...

А потому, что была она довольно трезвым, неунывающим человеком и очень терпеливым, чего во мне – не очень-то...

Ага, некая разность и притягивала нас друг к другу. Да и жили почти рядом, так что невольно...

Ну да, знаю, знаю, что и вы вместе работали... и вместе в Фиму были влюблены. Кстати, наверное, ты сейчас и при-

цепилась к ней, что был он для вас – один на двоих.

Ладно, ладно! Верю, что «не поэтому, а просто». Но тогда-то он предпочёл её, и вполне естественно, что ты хочешь узнать, как и что – у них... как жизнь сложилась.

Да по-разному складывалась, как и у всех, но думаю, что выбор меж вами сделал он правильный...

А потому, что только Валентина и могла терпеть все его неудачи, а, вернее, его восприятие своих неудач, а ты...

Нет, не смогла бы. Ты уже через несколько лет от него упорхнула б.

Ну, не упорхнула б, а ушла. Да потому, что не хватило б у тебя терпения сносить все его жалобы на свою судьбу, а у Валюшки...

Да, хватило. И до самого конца.

До какого? Не торопи. Если настояла на разговоре о Валентине, то изволь хотя бы сейчас быть терпеливой, чтобы могла я добрести до того самого конца. Понимаешь, теперь-то я почти уверена, что мужчина интуитивно ищет себе женщину, которая потом, с годами станет ему и матерью... а если заболит, то и сиделкой. Кстати, поэтому Ефим и выбрал не тебя, а Валюшку, и этим попал с первого раза в десятку, ведь у художников интуиция отличная!

Ой-ой, не бурчи, может и ты смогла, если бы...

Ну, хорошо, и ты смогла бы, если бы... а вот Валя – без «если бы», и с самого начала их жизни понесла неудачи своего новоявленного стоически, когда он уже через месяц

совместной жизни остался без заказов на картины из-за какого-то несогласия с председателем Худфонда⁵... Ведь время-то какое пакостное было! Эти самые заказы распределяло Областное Управление Культуры и Худфонд, и если художник с охотой писал в стиле соцреализма для красных уголков фабрик и заводов портреты членов ЦК⁶, орденоносных передовиков производства и румяных тружеников колхозных полей, то и процветал, а если не угождал... Вначале местная «руководящая и направляющая» заказы сокращала, а потом совсем могла не давать и не позволять устраивать авторские выставки. И шлейф за такими, «отмеченными вниманием» Обкома, волочился потом постоянно, поэтому приходилось искать им случайные подработки на стороне, – где-то и что-то расписывать, что-то и где-то оформить, или находить заказчика на портрет, пейзаж. В общем, под неустанным приглядом Партии житьё и у художников было не из легких, как и у...

Ладно, ладно, больше не буду о том времени, увлеклась, ибо еще не отболело. Так вот, Валюшка жалобы мужа стала принимать с первого дня, и успокаивать его, поддерживать...

Конечно, молодец, кто скажет, что не молодец? Но дело в том, что к такому мужья привыкают, вот и Фима. Вначале

⁵ Художественный фонд – Общественная организация, добровольное объединение мастеров изобразительного, декоративно-прикладного искусства, дизайна, архитектуры области.

⁶ Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, высший партийный орган в промежутках между съездами партии.

не все свои неудачи выплёскивал на жену, а потом привык и... А ведь работа и у Валюшки была не из лёгких, – каждый день с больными людьми... А, впрочем, что я тебе, медику – об этом... Кстати, они и познакомились-то в больнице, когда он туда однажды попал, и она ну очень душевно за ним ухаживала! Вот и приучила своей душевностью к тому, что потом и с небольшими «болячками» шел к ней, а уж с большими!.. И «болячки» эти ой как отражались на положении семьи! Денег-то у них всегда не хватало и Валюшка частенько забегала ко мне, чтобы взять в долг, а он... Помню, пожаловалась как-то: сказала сегодня мужу, что, мол, получать от тебя зарплату нерегулярно мне очень неудобно, так что давай договоримся, что лишние деньги оставляй у себя, а мне каждый месяц выдавай столько же, сколько и я получаю. А Фима ответил: но ты же говорила, что можно меньше. И даже обиделся. А, между тем долгов у них было!.. не говоря уже о том, чтобы диван новый купить, а то спала Валентина на короткой тахте, которая держалась на трех ножках, а вместо четвертой гирию подставила, с которой он уже бросил заниматься. И чуть не расплакалась беденькая.

Наташ, ну а что я могла ей посоветовать?.. Вот то-то ж.

Да нет, жаловалась мне Валентина не часто, поэтому и запомнилось еще и это: как-то сказала она своему творчески самостоятельному художнику, что сыну, мол, нужна куртка к зиме, на что Фима сразу стал сердиться: пусть, мол, носит ту, что есть. Но она подстегнула его: да какая это куртка!..

он уже вырос из неё, на что муж на этот её подхлѣст лишь повернулся к ней спиной, чтобы нырнуть в свою комнату. Но она догнала его фразой: хорошо, пусть носит, только ты сам ему об этом скажи. Сказал ли он сыну, нет ли, а зима приближалась, и Валюшке пришлось самой шить куртку... как, кстати, и пальто себе, ведь она и шила, и вязала...

Ну да, может, и зря. Может, и не надо было ей всем этим заниматься, дабы не расслаблять главу семейства, пусть бы не забывал о том, что жену и детей обеспечивать надо и что...

Да, да, ты права. Надо было ему еще какие-то постоянные заработки искать, чтобы не занимать деньги у соседки, а он... Как-то предложила ему Валюшка поехать осенью на уборку свѣклы... подруга ей подсказала, что муж её ездил на Украину и заработал столько, что зимой и на службу не надо ходить. Так вот, предложила ему такой же выход из положения, а он сразу и сдался: нет, мол, не выдержу такой нагрузки.

Да нет, был он, как и в молодости, еще здоровым, крепким мужиком, даже не помню, чтобы Валя говорила о его болезнях, а вот «не выдержу», мол...

А что она... Да ничего. Промолчала и опять терпеливо... Знаешь, когда рядом человек близкий по мировосприятию, то стараешься не замечать его недостатков, и этим невольно портишь его. Ведь все палки – о двух концах, поэтому...

При чём тут палки? А при том. Ведь трудно уследить по-

явление той грани, за которую нельзя переходить в уважении, любви, и если не заметить эту грань вовремя, то даже любовью можно испортить человека.

А вот так. Незаметно тот расслабляется и часть своих обязанностей начинает перелagать на любящего, что произошло и с Ефимом, а когда «переложенного» для Валюшки стало слишком много, то она и... Слушай, сходи-ка на кухню, завари еще и кофейку, а я найду записки о ней. Ведь и тебе будет интересней знать из первых рук... то бишь, уст. Идет? Вот и хорошо.

Да-а, всего несколько записей... А жаль. Видать, были у меня тогда «объекты» поинтересней. Ну что ж, пришло и их время быть обнародованными.

«Уже довольно поздно вечером забежала Валентина, и я услышала:

– Иногда на меня налетают злые мысли, – и, помедлила: говорить ли дальше? Но всё же досказала: – Как наше государство замордовало народ «высокими социалистическими идеалами», так и мой Фима – своими. Ведь держит семью на грани выживания! Ну, стыдно, стыдно мне за него перед детьми! Вчера сын купил туфли за свою стипендию, а он: «Вот и пусть одевается за свой счет». Как же тоскливо стало! – Встала, прошлась по комнате, остановилась напротив своего карандашного портрета, исполненного её мужем, обернулась: – Да и вчера, когда занимала деньги у дочери

до своей зарплаты и пожаловалась ему, что неудобно, мол, как-то перед нею, то бросил: «Чего напрягаешься? Живи, как живётся». – И опять взглянув на портрет, хотела шагнуть к окну, но остановилась: – А ведь это мне приходится экономить, изворачиваться, выгадывать, чтобы накормить семью! – И присела на диван, опустила голову, а потом сказала тихо, словно только себе: – Живу с ним... и ощущение, что за плечами – рюкзак, который вначале вроде бы не замечала, а с годами... Нет, что-то не так у нас... не то... надо что-то менять».

Нет, Наташ, ничего у них тогда не изменилось. А, впрочем... В материальном отношении не изменилось, а во взаимоотношении... Понимаешь, конечно же чувствовал Ефим свою вину перед семьей, что не может обеспечить её как надо, а преодолеть себя, чтобы зарабатывать деньги на какой-то нелюбимой работе, как его друг художник-оформитель, пишуший свои картины только вечерами и по выходным, не мог и начал изменяться в не лучшую сторону, – стал всё чаще покрикивать на детей, на жену. Вот, послушай еще одну запись... и учти, что она тоже – в моём «исполнении»...

А в таком. Записывала, редактируя как небольшие рассказы.

«Собираются они вчера с Фимой в кино... „А ведь такое случается теперь так редко!“ – добавила, рассказывая, Валентина с грустью. Так вот, собираются в кино, и как-то так получилось, что вышли на разговор о дочкиной зарплате,

а он вдруг и бросил: „Нет, я не согласен. Что ж, мы содержать её будем, а она свою зарплату только на себя тратить?“ Да раздраженно так, наступательно! Валя попробовала нейтрализовать его раздражение, – не надо, мол, об этом сейчас... мы же в кино собираемся, – но он продолжал ворчать. Она терпела, помалкивала, а Ефим нырнул в свою комнату, но тут же выбежал с лампочками в руках: „Зачем их ко мне на шкаф положили?“ Валя взглянула, улыбнулась: „У тебя же в комнате места свободного много, вот и...“ А он прервал: „Поэтому и склад в ней можно устраивать?“ На что она, с присущим ей юмором предложила: „Ну, хорошо, оставь себе одну про запас, а остальные, если так уж мешают, вынеси в коридор“. А он так и сделал! Ну, Валя молча хлопнула дверью и ушла. До кинотеатра шла пешком, чтобы как-то успокоиться, а возле него Фима стоит! „На, возьми, – и суёт ей в руку что-то, – проездной свой забыла. А в кино я не пойду, ну тебя!“ – и, махнув рукой, сделал шаг в сторону. Она попыталась его остановить: „Ладно, не обижайся. Верю, что страдаешь... не хватает денег и даже у дочки занимаем, но пойми, мне тоже не легко, устаю от безденежья“. Но он еще раз махнул рукой и зашагал прочь».

Ну что, Наташенька, радуешься, что Фима тогда выбрал Валентину?

Ой, да, конечно, ты бы заставила его... ты бы не допустила. А вот я сомневаюсь, что «воспитала б по-своему».

Да потому, что такие натуры, как Фима, «хрупкие штуч-

ки», с ними надо обращаться бережно, иначе... Вот Валя. На что терпеливо и бережно – с ним... а он всё равно срывался на такое!.. А слушай на «какое»:

«И опять у моих друзей конфликт... Вчера, сразу после завтрака, Валя вдруг услышала: „Сейчас еду деньги выбивать“. Удивилась: „Как это выбивать, и у кого?“ „За рекламный плакат для кооператоров“. Испугалась: „Фим, не надо бы тебе так зарабатывать, ведь кооператоры еще не очень-то поощряются, а ты – для них... Узнают где надо и совсем...“ А он вдруг и закричал: „Но вы меня в угол загнали!“ Имеет в виду Художественный Фонд... и её. „Ну что ты говоришь? Разве я требую от тебя денег?“ – попробовала остепенить его Валя, а он – еще крикливее: „Требуешь! Ты упрекаешь меня: тот-то больше получает, тот-то...“ „Да мало ли что я иногда ни скажу! Ты тоже... А если имеешь ввиду те деньги, которые мне хотелось бы регулярно от тебя получать, так они только – на текущие расходы, чтобы...“ И, отвернувшись к стене, заплакала, а он хлопнул дверью и ушел. Жалко мне Валюшку, но чем помочь? Не знаю».

И что скажешь на это, Наташенька?.. «А та, сидя в кресле, покачивая ногой и попивая кофе, подумала: кажется, моя рассказчица увлеклась ссорами Валюшки и совсем забыла о пробке от шампанского». Да? Смеешься. Значит, угадала. И ты права, увлеклась я. И вот почему. Что-то странное со мной происходило, когда еще работала. Помню, на снимаем киноматериала, просмотрю, потом надо осмыслить

его, выстроить, смонтировать, а ведь работали-то в спешке, – «Быстрее-быстрее!» И вот зачастую идёшь на монтаж, а в голове – пустота. С чего начать, какие эпизоды за какими склеить, какой темпо-ритм задать очерку или сюжету? А начнёшь монтировать с какого-то эпизода и пошло-поехало: цепляется одно за другое... Этот поясняет предыдущий, другой тащит за собой именно тот... Вот и сегодня у меня пошло-поехало, так что ты уж потерпи... как Валюшка, доберусь я и до пробки, но пока вот о чем хочу... Пословица есть: «Муж и жена – одна сатана». Нет, не то... лучше эта: «Муж и жена – одно тело, одно дело, один дух», в этой народной пословице и впрямь есть некая мудрость. Ведь Валя и Ефим хотя и были довольно разными, но постепенно тот самый «дух» становился у них общим.

А вот в чём проявлялось. Та её прозрачная и неунывающая трезвость, которая так мне нравилась, с годами словно мутнела, и иной раз даже оторопь брала от её неожиданных суждений, – уж очень отличались от прежних. Ведь Фима в какой-то мере был мистиком, вот и она... Вначале я стала выслушивать её сны, в которых повторялся один и тот же мотив: она – в каком-то незнакомом доме или городе и никак не может из него выбраться, а потом...

Вспомню ли хоть один?.. Да нет, что ты! Как можно вспомнить чужой сон, когда и свои-то ускользают, как только проснешься... если за хвост не ухватишь и тут же ни запишешь.

Ну да, записываю, и уже много... Есть ли похожие на её? Ой, не знаю... Но если подождешь, то могу поискать. Вот и хорошо, выйди-ка пока на балкончик и полюбуйся моей ивой плакучей.

Ну, и как моя ивушка?.. А-а, то-то ж, я весь год ею люблюсь, во все времена она прекрасна.

Ага, нашла один. Слушай.

«Сумерки... я – на окраине какого-то городка среди убогих хаток, захламлённых улиц и мне непременно нужно туда, в центр... но зачем?.. не знаю, а надо, надо!.. только там и спасение!.. но как пройти?.. и некого спросить... Но вдруг – толстая баба, и уже я – возле неё, и она вроде бы показывает, рассказывает мне как пройти, но смотрит липко, неприятно и вдруг спрашивает: „Ты эстонка?“ Почему-то отвечаю „да“, и даже начинаю говорить с акцентом, чтобы поверила... но зачем? А она вроде бы радуется этому и говорит: „Две тысячи“. „Что... две тысячи?“ „Долларов, за то, что подсказала“. Шарахаюсь: „Да Вы что?..“ И снова иду меж хаток по темным, пустынным улочкам, ищу того, кто подсказал бы... и вдруг справа – крутой спуск, поросший ярко-зеленой травой, а посреди – мужчина с ма-аленькой черной собачкой и над ним, вдалеке – телевизионная вышка, высвеченная синим цветом... но который тут же гаснет, а мужик меж тем поднимается по этому крутому склону легко, быстро и уже – около меня. „Этот подскажет“ – думаю... хо-

тя и одет в старую грязную фуфайку, но лицо... и он уже с охотой начинает объяснять, как пройти и даже кивает вроде как на экран: „Вам обязательно надо пройти через это!“ И я вижу на этом экране что-то вроде свалки или развалин, освещенных скудным светом... но уже иду туда, куда указал, а, вернее, не иду, а спускаюсь по шаткой лестнице в землянку, в которой мужики в грязно-серых халатах перетаскивают с места на место огромные мешки, и мне надо – мимо них... и опять спускаться по ржавой лестнице? Может, возвратиться?.. не туда подсказал, не туда послал? Но спускаюсь... и словно вспыхивает лицо того мужика в фуфайке, и он говорит, говорит: иди, мол, иди, всё правильно... а мне душно, тяжело от этой темноты, грязи, но снова передо мной – его лицо...»

Да, вот так и закончился тогда... мой короткометражный фильм. Мрачный? Да уж... не из веселых. Но нечто похожее и Валушка смотрела...

Почему именно такие... Да потому, что с годами нервы наши начинают растягиваться, слабеть, как гитарные струны, и звучание их... и звучание души расстраивается. И если в молодости громче звучали мажорные ноты, то после сорока усиливаются минорные, а сны им вторят.

Не совсем согласна... Лучше – о пробке? Хорошо, этот мой сюжет почти смонтирован, так что пора и к финалу. Но прежде прочитаю тебе еще одну, уже мажорную и предпоследнюю запись, которую я сделала после нашей... я, Ва-

люшка, Фима, вылазки в лес. Может, она и не совсем здесь монтируется, но жаль не вставить в этот сюжет.

«Прекрасный сентябрьский день! Мы бредём в молодой посадке леса. Какие же ярко-зеленые и стройные крепыши эти молодые ёлочки! Да еще вокруг – вереск стайками, шуршащий мох под ногами! Красота!.. А если остановиться и вот так прислониться к березке? Ну да, и вовсе...

– Валюш, какая же убаюкивающая благодать вокруг, да?

– И даже тонет в этой благодати звучание моей натянутой струны, – она тоже прислоняется к березке: – Звучание глухое, тревожное.

– Ты всё о том же? Опять у Ефима нет приработков?

– Нет, о другом я... к этому уже почти привыкла. Я же его понимаю: людям нравятся картины... как размалёванные яркие фотографии, а он совсем не так пишет. А тревожно мне... Знаешь, последнее время всё чаще мелькает: а любил ли меня Фимка?.. хотя и слышала не раз: «Умереть бы нам в один день!» Ведь если любят, то... А вот и он из-за ёлки появился. Ну что, в этой убаюкивающей благодати, прямо на этой чудесной поляне, легко и весело спросить его об этом?

– Попробуй.

– Фимушка, – Валюша улыбается и голос её становится похожим на урчание кошки, – а может, ты меня и не любил, а просто ценил мои достоинства?

Приостановился. Блеснул очками. Не ответил. Скрылся

за ёлкой.

– Вот те раз! Похоже, твой Фима почувствовал неладное и испугался. Но ты...

– А я-то надеялась, что спросит: почему, мол, так ду-
маешь? Тогда прямо здесь, среди этих веселеньких елочек,
и сказала бы легко и шутя: маловато, мол, защищал от без-
денежья, не возил на юга, чтобы хоть там почувствовала себя
женщиной, а не...

– Да ладно, как-нибудь еще... в другой раз спросишь.

– Ладно, так ладно. А сейчас пропою-ка: вот упаду лицом
в траву и зарыдаю... наяву! Услышит ли?

– Нет, кажется.

– Ну, что ж, тогда присяду у этой березки, прислонюсь
к ней и, рассмеявшись... ха-ха-ха!.. крикну: ну, коль мол-
чишь, иди сюда, обедать будем, как всегда.

– «Обедать» твой Фима обязательно услышит.

Ага, показался, подошел, снял рюкзак, сел рядом и тоже –
к березе спиной.

– Ну тогда, Валенька, не сбиваясь с поэтического размера,
скажи: а вот и термос наш китайский, и бутерброды с колба-
сой.

Как же не хотелось омрачить ту тишь да благодать про-
блемами!»

Ну вот, после такого мажора, можно – и к пробке... что
от «Шампанского», но дальше, к сожалению, без минора –
никак.

А потому, что «события разворачивались стремительно и бесповоротно». И об этом вначале – вот эти два отрывка из моей последней записи о Валентине:

«У Ефима – неглубокий инсульт. Валентина хлопочет над ним, лечит, ко мне забегает лишь для того, чтобы отдохнуть от своего «ребёнка», которого пробует заставлять расхаживаться. Но он не принимает её совет, и сегодня у нее вырвалось: «Через мои руки прошло очень много больных и по опыту знаю: если человек захочет жить, то будет бороться с болезнью всеми оставшимися силами и иногда побеждает, а мой Ефим... – Замолчала, встала, подошла к его акварели с лужайкой среди берез, постояла, обернулась: – Он замкнулся только на себе! И совсем не борется, а лишь жалуется, жалуется, жалуется, а это значит...»

А теперь, Наташенька, хотя ты со мной и не совсем согласна, что с годами нервы становятся похожи на растянутые струны и начинают издавать сомнительные звуки, я всё же попробую...

Нет, не доказать, а как бы подтвердить свои домыслы. И вот чем. Ну скажи, разве не фальшивый звук души хотя и не очень упёртая шизофрения?

А вот такая... Как-то Валюшка сказала: «Когда мы расписались с Фимой, то он прямо в Загсе открыл бутылку „Шампанского“, пробка вылетела, попала в потолок, а потом – мне по голове. Кто-то из друзей еще пошутил: дурное, мол, предзнаменование. И вот теперь всё чаще и чаще стала я вспоми-

нать это и подумывать: а, может, и впрямь?..» Ну, я, конечно, бросилась отговаривать её: всё это чушь, бред, мистика, которую надо из головы – вон! А она сидела, смотрела на его акварель и молчала.

Нет, больше не говорила о пробке, а вот о том, что сердце стало подводить, говорила, и несколько раз... А, впрочем, недели за две до смерти Ефима, вошла ко мне уже поздно вечером и сказала: «Кажется, тогда... с пробкой, не напрасно... – и замолчала, зная моё отношение к тому случаю, а потом всё же договорила: – Иногда думается, что не выдержу и первая...»

Ну, а потом были его последние дни, похороны. На кладбище – родственники, друзья... и тогда я еще подумала: наверное, всё же от переутомлений Вале казалось, что Ефим будет причастен к её смерти, но оказалось... Оказалось, что она вроде как права была в своих мистических предположениях, ибо после поминок, на другой день с ней и случился обширнейший инфаркт, от которого даже коллеги не спасли... Наташ, давай-ка еще пригубим «Шампанского». И не чокаясь. Помянем её, может, сейчас она вместе с нами.

Не веришь. Не веришь и в Валюшкины «мистические»... Трезвый ты человек. А мне иногда... а я иногда...

Говоришь, простое совпадение? Может, и совпадение, но всё же... Вот, смотри: я подхожу к этому пейзажу... Да, это Фима написал, и нам с Валюшкой нравился больше дру-

гих. Так вот, я смотрю на этот весенний пейзаж и, хотя Фима не выписал деталей, полутонов... ёлочки-то, березки – лишь намёком, да и облачка над лесом, и лёгкое марево от только что разогретой земли, робкие, боящиеся оторваться от земли подснежники – тоже... И вроде бы всё это – просто цветочные пятна, брошенные художником на холст небрежной кистью, но... А во мне словно некая волна поднимается, теплая волна, пронизанная искринками радости. Скажи, что это, почему? Да и явление наших снов, неожиданных поворотов судьбы...

А-а, всё же согласна, что есть нечто, еще мало постигнутое! Значит, и Валюшкино «совпадение», как ты говоришь, с желанием Ефима умереть в один день...

Опять не веришь... Знаешь, человек, несмотря на свои познания в философии, технологиях, а теперь уже и нано технологиях, многого не знает, поэтому я и сомневаюсь... и почти уверена, что человек так и должен...

Почему? Да потому, что только сомнение подталкивает к поиску, ибо оно плодотворно. И прав поэт... не помню его фамилии, написавший строчки, которые запомнились: «Я не стыжусь, что ярый скептик, и на душе не свет, а тьма, сомненье – лучший антисептик от загнивания ума»⁷. Правда, я – не скептик, и просто больше преклоняюсь перед со-

⁷ Игорь Губерман (1936) – Советский и израильский прозаик, поэт, получивший широкую известность благодаря своим афористичным и сатирическим четверостишиям – «гарикам».

мнением, нежели перед самодовольной уверенностью, ибо она-то и может стать симптомом загнивания ума.

Зачем звонит колокол

Эту странную женщину зову иногда Мадам Энзим. А странная потому, что не хочет... или не умеет жить спокойно, да и тех, кто рядом будоражит своим чувствованием жизни. И как-то сказала ей об этом, назвав катализатором, на что она, усмехнувшись, ответила:

— Тогда уж лучше зови меня не этим громоздким и длинным словом, а из терминологии моей профессии: энзим. — Удивлённым взглядом дала понять, что слышу это слово впервые, и тогда она пояснила: — Энзимы — ферменты, ускоряющие химические реакции в живых системах.

— Ну что ж, тогда, для пущей изящности буду звать тебя Мадам Энзим.

На том и порешили.

А познакомилась с ней недавно при поездке на экскурсию в Минск, и теперь она иногда приезжает ко мне в гости и с мужем художником. Бродим тогда в соседнем сквере или ездим в более дальнюю, еще не столь «причёрсанную» рощу, где можно побродить по еще не закатанным асфальтом тропинкам, прислониться к березке, посидеть на нашем любимом валуне, оглядывая дали, раскинувшиеся за рекой. И почти каждый раз Дина выкладывает мне нечто, будоражащее и моё чувство, после чего потом думаю, думаю... А, может, странная и я, раз цепляюсь за её сюжес-

тики? Но зачастую есть, есть в них нечто, ведь иначе не потянуло бы выткать из её «витальных историй», как она их называет, вот этот небольшой рассказ. Конечно, кое-что в нём не так, как у неё, – что-то опустила, что-то даже и додумала, сплетая из её коротких реплик нить потолка, – но так ведь как без этого, если собираешься что-то поведать?

Она сварила утреннюю кашу, стала выкладывать на тарелочку и ложка зазвенела о стенки кастрюльки. «Словно трезвону, – подумала. – И Фима слышит этот трезвон, а завтракать не идет».

– Чего завтракать не идешь? – почти крикнула, чтобы долетело в его комнату.

– Ты же не приглашала, – услышала.

– А ты что ль не слышишь... по ком звонит колокол? – вдруг вспыхнуло название романа Хемингуэя⁸.

И пришел:

– Но он же не по мне звонит?.. надеюсь.

– Может, и не по тебе... а по нас.

– А зачем? – усмехнулся.

– А ты как думаешь? Может, подскажешь? А то я не...

– А не хочу я думать, – прерывает, – и буду просто есть кашу.

⁸ Эрнест Хемингуэй (1899—1961) – Американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года.

Присели. Едят. Она:

– Ну ладно, не думай зачем звонит колокол, я сама...

А что скажешь насчет того, что дети собираются зимой в Польшу на лыжах кататься, а я не советую.

– Почему?

– Они же недавно там были, пускай съездят еще куда-ли-бо.

– Но в Польшу дешевле.

– Пусть подсобирают денег и махнут в Испанию или во Францию.

– Пусть и во Францию.

– А тебе уже все равно, куда им махать, – усмехнулась. –

Был бы только телевизор.

– В общем-то, да.

– А вот мне еще не всё... всё равно.

– Ну и поезжай куда хочешь.

– Поехала б... да денег нет, – тренькнула ложкой по тарелке. – Да и не приглашают.

И он понимает намек, но молчит какое-то время, а потом:

– Ну и нашла бы в свое время себе богатого, чтоб приглашал, а то вышла за художника с неясной перспективой.

– Но ты же был талантлив, писал отличные картины, – сорвалась на упрек. – Я же не знала, что погасишь свой талант так скоро и что потом...

Нет, не скажет она ему о «потом», тем более, что он, ничего не ответив, доел кашу, поставил тарелку в раковину и вы-

шел.

А сегодня, изменив городскому скверу и роще, пригласила я мадам Энзим и Фиму съездить на участок поля, недавно купленный моим сыном и на обратном пути навестить моего знакомого, который живёт один в старой хате и пишет роман.

Моросит. Пасмурно, словно опускаются сумерки... Да, не лучшую погоду выбрал сын для знакомства со своим приобретением, но в выходные дни погоды не выбирают, да и надеялись, что через какое-то время тучи развеются, а они лишь осели и плотненько занавесили небо.

Вот уже с полчаса дворник налево, направо, смахивает дождевики, заставляя их сбиваться в ручеек и стекать на капот, за вспотевшим стеклом изредка мелькают отяжелевшие лапы елей, а потом опять, не прерываясь, серовато-коричневой полосой тянутся полегшие жухлые травы, измокшие кусты, иногда рассекаемые яркой белизной отмытых стволов берез.

Мои приглашенные посматривают в окно, расспрашивая сына, – зачем, мол, купил, что собирается делать с этим полем, – и беспокойная подруга всё предлагает варианты, а её муж каждый раз подсовывает сомнения: да нет, ничего из этого не получится... да нет, для этого надо многое добывать... да еще и неудачным затея окажется. И Дина всё пытается разбить эти сомнения, настаивая, что если даже и возникнут неудачи, то всегда при желании и упорстве можно найти «лекарство», чтобы провести «реакцию нейтрали-

зации», но муж по-прежнему бубнит своё и, наконец, она вспыхивает, отворачивается к окну и закрывает глаза, – всё, мол, устала от него!

Но вот сын свернул направо, остановил машину.

– Приехали. – И взмахнул рукой: – Справа, мое поле. – А когда все вышли, пошутил, улыбнувшись: – Во-он там, возле березняка, можно строить дом и жить.

Сырой, холодный ветер сразу пополз под капюшон, начал холодить спину, но Дина с мужем захотели пройти к недалёкому березняку в конце участка. И сын повёл их туда, а я не решилась, – ветерок наглел, пробирался уже и под легкую куртку, – и начала трусцой бегать вокруг машины, чтобы согреться и хотя бы «взором окинуть» приобретение сына. Полевая дорога тянулась вдоль сжатого поля, на котором дождик осветлил примятое колесами машин жнивье, а справа и слева темнел березняк. Отличное место! Люблю вот такое: поля, поля, а на взгорьях стайками – берёзки. Наверное, как же красиво здесь летом! Но сейчас, под моросью и настырным ветром, хотелось побыстрее нырнуть в машину и уехать, а сын всё вёл моих знакомых туда, к березняку, изредка останавливаясь и взмахивая руками.

Возвратились они минут через пятнадцать, но захотели подъехать еще и к лесочку справа.

«Зачем?» – подумалось, но села в машину. Проехали

сколько-то, вышли. Возле стайки берез потоптались по ежику сжатой ржи и, наконец, вернулись к машине, сели в неё... а она и забуксовала. Стали толкать. Нет, ни-икак!

– Может, сходить поискать трактор в соседнем поселке, чтоб вытащил? – посоветовал Ефим, вытирая грязные туфли о жнивье: – А то и надорваться можем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.